

ГЛАВА IV

Август девяносто первого

Мысли о новой книге • ГКЧП • УБелого дома • Геннадий Бурбулис • Паралич после победы • Странная страна • Экономика бартера • Конвульсии СССР

В НАЧАЛЕ августа 1991 года я взял отпуск и, оторвавшись от рутинной череды институтских забот, отправился в подмосковный дачный поселок Красновидово, чтобы засесть наконец за давно задуманную книгу.

В 1989-1990 годах вся коммунистическая империя, охватывающая территорию СССР и вассальных стран Восточной Европы, вступила в этап тяжелого кризиса и развала. Везде начались серьезные экономические преобразования, носящие системный характер. На повестку дня встал вопрос о радикальной перестройке базовых социально-экономических институтов. Процесс развивался не однообразно, приобретая порой трагическую напряженность, как это случилось, например, в декабре 1989 года в Румынии, или шел более спокойно, сглажено, как в Чехословакии и Болгарии. Но масштаб экономических трудностей переходного периода повсюду превзошел даже самые пессимистические ожидания.

Конечно, в каждом конкретном случае можно было выявить свои причины трудностей. Так, в Советском Союзе ими стали сокращение добычи нефти и газа, падение мировых цен на это сырье, в ГДР — завышенные надежды населения в связи с объединением с ФРГ, в Польше — неизбежная плата за остановку гиперинфляции... И все же, несмотря на специфику стран, на особенности их реформ, уже вырисовывались некоторые общие тенденции, даже закономерности. Вот об этих закономерностях, о том, почему так тяжок путь из социалистической

экономики к экономике нормальной, хотел я поразмышлять тогда в своей новой книжке.

Предыдущая называлась "Экономические реформы и иерархические структуры" и была посвящена анализу попыток модернизировать социалистическую модель хозяйствования без разрушения ее основ. Попытки таких реформ предпринимались неоднократно, всегда были половинчаты, непоследовательны, встречали мощное сопротивление бюрократии. Но в любом случае к падению производства они еще никогда не приводили. Напротив, подстегивали, хотя и временно, его темпы, позволяли несколько улучшить положение на потребительском рынке, а в некоторых странах способствовали развитию мелкого частного предпринимательства. Теперь картина была иной. Катастрофический крах старой системы управления породил принципиально новые проблемы, существенно отличные от тех, которые были предметом изучения ранее.

В воскресный вечер 18 августа засиделся особенно поздно. Уже за полночь дописал последний абзац вводной главы: "На этапе трансформации, который переживают СССР и страны Восточной Европы, экономически разумная политика чаще всего является одновременно непопулярной. Ее проведение возможно лишь при восстановлении эффективной и сильной государственной власти. Чем дальше продвинулись те или иные посткоммунистические страны в этом направлении, тем увереннее реальная экономическая политика поворачивает на путь, позволяющий заложить фундамент стабильного хозяйственного развития. В СССР, где разумная государственная активность парализована конституционным кризисом и "войной законов", ход событий систематически отклоняется от профессионально-экономического эталона, что толкает страну на путь латиноамериканизации".

Разумеется, в тот момент мне не могло прийти в голову, что всего через два месяца мне придется взять на себя ответственность за попытку проведе-

ния экономически разумной, но заведомо непопулярной политики в России.

Ранним утром разбудил необычно громкий и непривычно встревоженный голос жены: "Егор! Скорее сюда!"

— Что случилось? Пашка?

— Переворот! Военный переворот! Горбачев арестован...

В понедельник от Красновидова ближайший рейсовый автобус до Москвы в 11 утра. Возле маленькой сторожки, где установлен единственный на всех городской телефон, очередь. Звоню в институт, сообщаю, что буду примерно в половине первого, прошу собраться к этому времени у меня в кабинете.

Маша звонит Аркадию Натановичу Стругацкому. "Танки, — сообщает она мне, выйдя из сторожки. — Отец сказал, что под окнами по проспекту Вернадского идут колонны танков. К центру..." Потом выходит с детьми проводить меня в Москву. Машет рукой, на глазах слезы, явно не уверена, что вновь встретимся. Масштаб предстоящих событий еще никому не ясен.

По дороге пытаюсь представить себе последствия переворота. В этот момент у меня нет сомнений в том, что он приведет к смене власти. Что на несколько месяцев или даже лет его авторам удастся удержаться на плаву. Ну а дальше? Никакой "просвещенной диктатуры", никакого "российского Пиночета" не предвидится. Кровь, как и при Пиночете, конечно, прольется, куда больше крови. Только будет это все зазря. У заговорщиков нет ни единой разумной идеи, что делать с разваливающейся экономикой. Через год, два, четыре, не больше, — истерзанная страна все равно вывернет на нелегкий путь к рынку. Но шагать ей по этому пути будет в тысячу раз труднее. Да, год, два, ну пусть даже пять. В конце концов, для истории — это мгновение. А для живущих сегодня? И сколько из них через эти годы перешагнет?

Автобус приблизился к Москве, миновал окружающую. За Тушином пассажиры разом повернули головы налево. У моста стоял бронетранспортер. Я раскрыл папку, чтобы набросать тезисы выступления в институте. Чистой бумаги не оказалось, пришлось писать на обороте законченной вчера главы.

Сотрудники уже собрались. Говорю, что никакой дополнительной информации у меня нет, но очевидно: во всей этой затее ГКЧП просвещенным рыночным авторитаризмом в стиле Дэн Сяопина и не пахнет. Если путчисты победят, возникнет мрачная и кровавая мерзость, ну а если потерпят поражение, существующая система власти рассыплется и угроза хаоса и анархии станет предельно реальной. В любом случае есть только один человек, авторитет которого дает шанс избежать катастрофических для страны последствий, — Борис Ельцин. Значит, наша задача сделать все, чтобы ему помочь.

Из института ишу по телефону всех, кому можно дозвониться. Звоню помощнику Горбачева, О.Ожерельеву. Спрашиваю: жив ли Михаил Сергеевич и можем ли мы для него что-нибудь сделать? Отвечает крайне уклончиво — разговор не поддерживает. Звоню в Белый дом Сергею Красавченко, Алексею Головкову. Прошу передать начальству, что институт в распоряжении российской власти.

Садимся с коллегами за экспресс-анализ экономической части программы путчистов. Честно говоря, анализ получается скорее злобный, чем профессиональный. Рассылаем текст в демократические газеты и западные агентства.

В истории все произошедшее быстро обретает устойчивую непоколебимость. Так легко убедить себя в том, что иначе и быть не могло. Видимо, отсюда сегодняшние рассуждения об опереточности путча, его очевидной обреченности. Внимательно ознакомившись впоследствии с документами, воспоминаниями участников провалившегося переворота, убежден — стратегически они действительно были

обречены, но крови могли пролить немало и какое-то время способны были удержаться у власти. Большая часть населения отреагировала на путч отрицательно, но пассивно. Республики замерли в ожидании, как повернутся дела в России. Лидер грузинских националистов З.Гамсахурдия, столь воинственный до этого, явно стусевался, заявил о готовности к сотрудничеству с ГКЧП. В Прибалтике военные действовали достаточно решительно, установив контроль над ключевыми объектами. Все должно было решить развитие событий в столицах, особенно в Москве.

На мой взгляд, тактически поражение путчистов было обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, их глубоким неуважением к собственному народу и особенно к политическим оппонентам. Знаю, в среде тех, кто выступал за силовое решение, была распространена легенда, что все демократы по своей природе трусы, стоит только хорошенько стукнуть кулаком по столу, как они разбегутся по норкам и затихнут. То, что в Москве и Питере ничего подобного не произошло и путч натолкнулся там на массовый протест и сопротивление, было для гэкачепистов неприятнейшим сюрпризом. По состоянию на 19 августа 1991 года ничего в российской или советской истории не давало оснований надеяться, что это сопротивление не будет жестоко подавлено. Заговорщики были явно к этому готовы. Дело оставалось за малым: кто непосредственно возьмет на себя ответственность за масштабное кровопролитие, массовые репрессии, кто организует и заставит действовать войска, посадит самого надежного, доверенного, решительного генерала на передовой танк, поручит ему лично подавить сопротивление. Короче, кто сумеет переломить совершенно естественную инерцию силовых структур, не желающих оставаться крайними. Такого человека среди руководителей переворота не нашлось. Отсюда — колебания, непоследовательность, стремление перело-

жить ответственность друг на друга, пробуксовка военной машины. Да, в этом есть логика: склероз социалистической системы зашел очень далеко, искусство перекладывания ответственности за все последние годы было доведено до совершенства. И это отнюдь не способствовало появлению решительных людей у силовых рычагов. Но велик и элемент случайности: присутствие в нужный момент в нужном месте какого-нибудь Варенникова или Макашова вполне могло радикально изменить ситуацию.

Во всяком случае десятки тысяч москвичей, собравшихся у Белого дома 20 августа 1991 года, при известии о готовящемся штурме не имели никаких оснований полагать, что все не кончится кровавым месивом. Как это было двумя годами раньше в Пекине на площади Тяньаньмэнь, где трупы убирала бульдозерами. И, прекрасно понимая это, — все же пришли. Потому что не захотели быть бессловесными марионетками, потому что ценили и хотели отстаивать свою свободу. Пожалуй, впервые с августа 1968 года я почувствовал, что имею полное право гордиться своей страной и своим народом.

Утро 20-го у Белого дома. Людское море залило Рочдельскую улицу, все пространство от здания СЭВ и гостиницы "Мир". Рождается ощущение, что путч обречен, москвичи не запуганы, покоряться не собираются. Однако во второй половине дня, когда я уже вернулся в институт, обстановка снова стала тревожной. Введен комендантский час, поступает информация о передвижении войск. Похоже, все-таки идет подготовка к штурму.

На час приостанавливаю действие своего же приказа о прекращении работы первичной партийной организации института, отданного после недавнего указа Ельцина о департизации. Проводим партийное собрание, на котором ставим два вопроса: первый — о выходе сотрудников института из партии в связи с попыткой государственного переворота, поддержанного ЦК КПСС, второй — о ликвида-

ции в этой связи нашей партийной организации. Только одна сотрудница говорит дрожащим голосом, что это очень тяжелое для нее решение и нужно посоветоваться с мужем. Все остальные, люди разного возраста, с разными биографиями и жизненным опытом, — дружно поддерживают. Таким образом, последнее партийное собрание заканчивается быстро.

Примерно часам к семи вечера мужчины института в полном составе у Белого дома. В тот вечер знакомлюсь с Геннадием Бурбулисом. В его кабинете шумно, за столом председатель Комитета государственной безопасности Российской Федерации Иващенко пытается связаться с генералами, командующими округами. Мы с Геннадием Эдуардовичем посетовали, что давно друг друга знаем понаслышке, а встретиться довелось в такой сложный момент.

Потом неоднократно встречались, особенно часто беседовали осенью 1991 года, когда шел процесс выработки стратегии российского руководства после августовских событий. Именно Бурбулис свел меня с Борисом Николаевичем Ельциным, и он же, наверное, более, чем кто-либо другой, был причастен к тому варианту состава правительства реформ, которое начало свою работу в ноябре 1991 года. Потом работали вместе в составе правительства, неоднократно встречались у президента, вместе вели предвыборную кампанию 1993 года, штаб которой Бурбулис возглавлял. Несомненно — умный, тонкий аналитик, умеет считать варианты, видеть перспективы, привлекать интересных людей, специалистов. Прекрасно подходит на роль "серого кардинала" при руководстве. К сожалению, именно эта роль, для которой он явно создан, ему категорически не нравится. Он хочет сам быть первым лицом и принимать самые ответственные решения. Но как раз это ему не дано. Помню совещания под его председательством, всегда интеллектуально насыщенные, но, как правило, ни к каким конкретным результа-

там не приводящие. Это тягостно. День расписан по минутам, на очереди колоссальное количество проблем, а тут пусть интересный, но ничем не завершающийся разговор.

Осознание этого пришло много позже. Тогда же обсуждение сосредоточилось на главной теме: если сегодня все не кончится катастрофически, если ситуация "зависнет", что делать, чтобы переломить ее в свою пользу? Какие рычаги в наших руках? Газеты, радио, типографии... Как будут развиваться события в других крупных городах? Найдет ли отклик призыв к забастовке? Вариант быстрой и решительной победы над ГКЧП по-прежнему кажется нереальным и даже не обсуждается. Иваненко непрерывно связывается по телефону с командирами Московского военного округа, внутренних войск, частей КГБ. Говорит примерно одно и то же: звоню по поручению Ельцина, не ввязывайтесь в это дело, держите личный состав и технику в стороне...

Зашел Григорий Явлинский. Мы давно не виделись. Говорим, разумеется, не об экономике. Он считает, что Горбачев в курсе заговора и скрыто его поддерживает, я сомневаюсь — для чего это ему?

Бурбулис возвращается от Ельцина. Президент просит следить за маршрутами, по которым к Белому дому могут выдвинуться танки. Ребята с радиоаппаратурой стараются ухватить переговоры командиров танковых частей со своими подразделениями.

Постепенно, уже за полночь, обстановка начинает накаляться. Танки, кажется, действительно двинулись. Бурбулис набирает по правительственной связи номер председателя КГБ Крючкова. Что-то очень странное: вроде вот-вот убивать будут, и в то же время созвонились, побеседовали...

Максимальное напряжение где-то в половине третьего, потом спад. Примерно в пять утра выхожу из 8-го подъезда, разыскиваю промокших, продрогших коллег. В общем, вроде ничего не случилось, просто долгая, бессонная ночь. А на самом деле — не-

ожиданная, еще недавно казавшаяся столь невероятной оглушительная победа. Это осознают еще не все.

— Сейчас по домам и спать, — говорю своим сотрудникам. — В двенадцать собираемся в институте. Нужно вместе продумать, что делать дальше...

21-22 августа — неожиданное и полное крушение ГКЧП, коммунистического режима, империи. Руководители переворота арестованы, в Москве восторженные толпы на улицах, активисты “Демроссии” защищают от толпы сотрудников ЦК КПСС, в здании КГБ срочно жгут архивы. Самоубийство министра внутренних дел Б.Пуго, куда более загадочное самоубийство управляющего делами ЦК КПСС Кручины, отвечавшего за финансы партии. Заискивающие публикации “Правды”. Суть их — мы будем хорошими, станем верно служить новой демократической власти. Полная деморализация КПСС. Те, кто поддерживал переворот, до смерти напуганы, явно опасаются, что демократы поступят с ними так, как они бы поступили с демократами в случае победы ГКЧП. Все напоминает февраль 1917 года, как представлял его себе по книгам, воспоминаниям современников. И именно это не дает покоя. Ведь я-то хорошо знаю, что последовало за эйфорией Февральской революции. Да, счастье, что провалился путч, но что дальше?

Немедленный и полный развал КПСС, организации, соединявшей все колесики власти в стране, крах всеведущего КГБ, полное банкротство доминирующей политической элиты, ее идеологии — не открывает ли все это дорогу хаосу, анархии, страшному экономическому развалу и новой диктатуре? Особенно серьезна эта опасность, если иметь в виду, что все экономические отношения строились до сих пор не на системе работающих рынков, а на силе принуждения, приказе.

Завтра по всей стране колхозы и совхозы перестанут сдавать зерно — страх наказания исчез, а

рубль не работает. Что делать дальше? Завтра станет ясно, что республики **де-факто** — суверенные государства, не признающие союзной юрисдикции, а кто будет контролировать ядерный арсенал? Масса неотложных вопросов, на которые нет ответов. Несмотря на развевающиеся трехцветные российские флаги и ликующие толпы, на душе глубокая тревога за будущее страны. То, что случилось, — без сомнения либеральная, антикоммунистическая революция, спровоцированная негибкостью и авантюризмом правящей элиты. Но ведь любая революция — это всегда страшное испытание и огромный риск для переживающей ее страны, именно его и хотелось предотвратить, повернув развитие на путь упорядоченных реформ. Теперь то, что раньше представлялось отдельной, абстрактной угрозой, стало жестоким реальностью.

Характерная черта первых двух месяцев после путча — похожая на внезапный паралич, пугающая пассивность российских органов власти. Хотя понять ее можно. 21 августа могучий противник, для долгой и тяжелой борьбы с которым все было подготовлено, разом исчез. Ельцин оказался как бы тем витязем, который, как в сказке, сокрушил супостата, ворвался в заколдованный замок, но вместо страдающей прекрасной принцессы увидел мрак, запустение, горы мусора. И разбираться со всем этим теперь придется ему. Неожиданная победа, лишив президента России преимущества оппозиционности, не дала ему в руки волшебной палочки, позволяющей остановить набравший скорость процесс экономического развала, более того, положение только еще больше осложнилось.

Союзные хозяйственные министерства уже ничем не управляют. Их сотрудники заняты поисками работы в частном секторе, созданием коммерческих фирм и переводом в них казенных денег и имущества. Работа партийных органов, до августа 1991 года по традиции еще выполнявших на республикан-

ском, областном, районном уровнях посреднические и регулирующие функции в хозяйственных взаимосвязях и распорядительных процессах, теперь официально запрещена. Крайкомы, обкомы, райкомы партии закрыты, опечатаны. Силовые структуры — армия, КГБ, МВД — деморализованы.

Сформированные после провала переворота новые союзные органы управления даже не пытаются всерьез овладеть ситуацией. Это и понятно: теперь, после августовской победы, вся ответственность за происходящее в России, и в значительной степени на территории всего бывшего Советского Союза, ложится на плечи российских лидеров.

На этом политическом фоне еще оставалась, как мне тогда казалось, единственная возможность сохранить СССР: Горбачев немедленно отрекается от своего поста, передает его Ельцину как президенту крупнейшей республики Союза. Ельцин легитимно подчиняет себе союзные структуры и, обладая безусловным в ту пору авторитетом общенародного лидера России, обеспечивает слияние двух центров власти, борьба между которыми и служит одной из основных причин развала. Так возникает надежда...

Реально же происходит иное: российское руководство бездействует, процесс дезинтеграции Союза приобретает лавинообразный характер, межреспубликанские таможи задерживают вывоз продукции. Формально Союз существует, но из него вынули душу, осталось тело, и оно перестало функционировать, нет даже конвульсий. Возможно еще попытаться о чем-то с республиками договориться, но давать указания, требовать исполнения, контролировать — это утопия. Нельзя даже вообразить, например, что Горбачев укажет теперь Назарбаеву, как поступить с проектом “Тенгиз–Шеврон”. Вопрос отпал.

Союза, как реальной силы, нет, и не удивительно, что на Кавказе оружие советской армии оказывается у кого попало. Силовые структуры пребывают в состоянии коллапса. Каркас власти остался, но нет

хозяина. Кто хозяин? Союз? Его законы не действуют ни в одной республике. Везде свои собственные — и они официально выше союзных.

У Ельцина — немалый запас народного доверия, немислимая ответственность и почти никаких рычагов управления. Ведь до сих пор российская государственность была чистой бутафорией. В ней ничего ни с чем не сцеплялось. Нет ни своей армии, ни КГБ, ни МВД, ни контроля над регионами, власти в которых могут выкинуть неведомо что. Нет своего эффективного центрального банка. Нет контроля за большей частью промышленности. Нет таможни. Да ничего вообще пока нет, кроме названия: Российское государство.

Первая экономическая реакция на августовский путч, как я и ожидал, — уже на следующей неделе четырехкратное сокращение поставок зерна государству. Его просто перестали везти на элеваторы. Это естественно. Теперь-то зачем? Ради бумажек, которые по привычке именуют деньгами? Нет уж, лучше хлеб придержать, обменять при случае на что-нибудь полезное...

Бартер окончательно заменяет денежный оборот, и в особо тяжелом положении оказываются Москва и Санкт-Петербург — еще недавно демонстрационные витрины успехов административной экономики. Социально-экономическая структура этих крупнейших городов (военное производство, наука, культура, управление), малопригодная для бартера, традиционно высокая зависимость их населения от поставок по импорту делают проблему снабжения двух российских столиц неразрешимой. Никакими аргументами убедить регионы поставлять сюда продовольствие невозможно.

Тревожность обстановки отчетливо осознается обществом. Осень 1991 года полна ожиданий катастрофы, голода, паралича транспорта, систем тепло-снабжения. В цене печки-буржуйки. Самая распространенная тема разговоров: как будем выживать.

Страшноватая картина Москвы ближайшего будущего, выстроенная в романе А. Кабакова "Невозвращенец", довольно хорошо передает атмосферу ожиданий этого времени. И за все должны нести ответственность первые демократически избранные власти России. Неудивительно, что деятели коммунистического блока, едва оправившись от сокрушительного удара, не без злорадства начали потирать руки: а вот посмотрим, что у вас получится, хотите не хотите, а придется снова звать нас на власть.

Используя шахматные аналогии, можно сказать, что осенью 1991 года демократические силы России оказались в сложном, позиционно проигранном положении. Шанс, если продолжить те же аналогии, в подобной ситуации состоит в том, чтобы, резко обострив игру, перевести ее в форсированное, комбинационное русло. План, отнюдь не гарантирующий успеха, но дающий все же надежду уйти от неминуемого поражения. А если без аналогий, то выбор был невелик: либо нарастающий хаос, либо немедленный, без подготовки, запуск рыночного механизма. И уже потом, на ходу, встраивать обязательные для его нормальной работы детали.

В жестком механизме иерархической экономики руководство свободно могло изъять прибыль у тех, кто ее получал, и передать тем, кому она и не снилась; можно было за какой-либо товар назначать цену, в десятки раз превышающую его себестоимость, а другой — отдать практически за бесценок. Можно было все, но для этого система должна быть целостной, со всеми ее экономическими, идеологическими и властными атрибутами. Вернуться к такому положению мы не могли. Значит, запуск рыночного механизма из благого пожелания превращался в реальный императив. В противном случае — катастрофа.

Напомню, что наиболее острым вопросом, разделявшим тогда экономистов, было отношение к хозяйственной политике России и Центра. И после ав-

густа на бумаге оставались еще Центр и Союз, а Григорий Явлинский продолжал работу по подготовке проекта межреспубликанского экономического соглашения. Для моих коллег-единомышленников было очевидным, что подобные соглашения без осмысленной экономической политики России малопродуктивны, что переговоры будут тяжелыми и не приведут к желанным результатам, что не может быть дееспособного экономического союза без союза политического. А шансов быстро воссоздать его явно не было.

Единое экономическое пространство требует единого же политического пространства — это аксиома. Наглядный пример — Европейское сообщество. Для того чтобы всерьез вести разговор о единой валютной системе в Европе, понадобился долгий процесс создания европейских межнациональных институтов. А чтобы она всерьез заработала, этот процесс должен был пройти еще очень и очень долгий путь.

Но то единство, что в Европе постепенно складывалось, у нас, напротив, в одночасье развалилось: ранее экономические связи между республиками Советского Союза базировались на системе адресно-директивного управления. Предприятие в Прибалтике, скажем, получало государственный заказ на производство продукции и поставку на Урал. Уральский завод, в свою очередь, получал задание на производство продукции и поставку ее на казахстанский завод. Последний был связан с сотней четко определенных для него предприятий, находящихся в пятнадцати разных республиках. Каждая из этих связей носила директивный характер.

Вся эта сложная внерыночная система могла жить лишь при одном условии — если весь Союз был связан между собой системой подчиняющихся друг другу начальников, системой, которая пронизывала республики, области, края, районы и доходила до конкретного директора, контролируя, поощряя и

наказывая его. Только в таком случае вне рыночное пространство могло быть единым.

Но как только создалась ситуация, при которой республиканский начальник получил возможность проигнорировать или отменить распоряжение союзного, а областной начальник мог так же поступить с республиканским и так далее, система развалилась. Катастрофический разрыв союзных связей — следствие разрушения тоталитарной структуры: когда в командной экономике, устроенной именно как командная, ломаются эффективные инструменты политического принуждения, за этим, как карточный домик, начинает рассыпаться вся директивная система. Как следствие, на ее месте неизбежно возникает стихийная экономика натурального обмена.

Район, город, область, республика сталкиваются с тяжелейшими проблемами материально-технического обеспечения. Они уже не могут получить, скажем, мясо по приказу и еще не могут получить его за деньги. Что делать руководителю региона? Предположим, у него есть гвозди, холодильники и подшипники. Он запрещает вывоз этих товаров и говорит: если они кому-то нужны, то пусть будут любезны выложить за них мясо. Ах, такового не имеется? Тогда нас устроят легковые автомобили. Мы их на мясо сами обменяем...

Если перевести этот язык на политический, то можно сказать, что нет фактора, который бы сильнее работал на сепаратизм, на изоляционизм, чем вынужденный экономической бедой бартер. Возникает, иными словами, порочный круг: разрыв союзных политических связей приводит к разрыву экономических, а этот последний становится питательной почвой для раскрутки центробежных сил, разрушающих целостность самого Союза. Такая тенденция прогрессировала на протяжении всего 1991 года и в полной мере проявилась осенью, когда бартерная экономика стала серьезным источником эко-

номического изоляционизма и политического сепаратизма. Многие республики заявили о своей суверенности. Местные власти начали сами выдавать квоты, лицензии, проводить самостоятельную денежную политику. Союзные структуры еще номинально существуют, но уже ничего не контролируют.

Группа Явлинского, готовившая проект межреспубликанского экономического союза, надеялась на то, что все договаривающиеся стороны будут друг с другом взаимно вежливыми, сговорчивыми и уступчивыми. На деле же получилось совсем по-другому. Переговоры по экономическому союзу шли вяло и мало обнадеживали. Даже когда удавалось собрать часть подписей под общими, декларативными документами, все стопорилось, как только дело доходило до принципиальных вопросов: как контролировать объем денежной массы, каков механизм принятия решений в едином центральном банке, как конкретно будет формироваться и использоваться бюджет экономического союза, кто будет платить армии. И многое, многое другое. Ясно, что обо всем этом можно говорить месяцами, но так ни о чем и не договориться, тем более что за разногласиями — реальные различия интересов. Стала очевидной острая необходимость принятия жестких, непопулярных мер по спасению не только экономики, но и страны в целом.

Вот как виделась в это время (октябрь 1991 г.) ситуация академику Л.Абалкину: "Сейчас, например, принимается Договор Явлинского. Только выработка предусмотренного в нем пакета конкретных соглашений потребует нескольких месяцев напряженной работы. Мы же исходили из убеждения в том, что если в течение максимум двух месяцев не будут проведены чрезвычайные меры по стабилизации финансово-денежного положения в стране, то нас ожидает социальный взрыв, по сравнению с которым то, что происходило в августе, это, извините, не более чем вечер бальных танцев. У меня есть

записка, подготовленная сотрудником института О.Роговой; из нее вытекает, что нам дается срок два месяца, после чего наступит развал экономики, коллапс. Это же подтверждают и другие расчеты... Можно спорить, насколько правилен этот прогноз в деталях. Но пока мы будем сопоставлять проекты и концепции, их некому будет читать".

По-моему, из этой цитаты ясно, что в оценке ситуации, сложившейся к концу 1991 года, при всех наших расхождениях в вопросах экономической политики мы с уважаемым академиком были едины,